

существующих (то есть не-пустых по объему) имен. А для этого необходимо, чтобы общечеловеческие ценности явились органическим результатом внутреннего развития всего человечества, а не политическим продуктом глобализации. Впрочем, возможно предположить существование данного феномена и сейчас, но называть его более целесообразно именем, предложенным Н. Я. Данилевским: «всечеловеческими ценностями».

Список использованных источников

1. Шуман, А. Н. Философская логика: Истоки и эволюция. – Мн.: Экономпресс, 2001. – 368 с.
2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1986. – 571 с.
3. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 576 с.

УДК 316.75

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» И «ТЕРПИМОСТЬ»

К.ф.н. Уткевич О. И.

Витебский государственный технологический университет

В современных словарях русского языка слова «толерантность» и «терпимость» считаются тождественными. Отметим также, что в словарях приводится и другое лексическое значение толерантности, которое впервые было введено в 1953 году английским ученым П. Медавара для обозначения специфической особенности иммунной системы живого организма не отторгать пересаженные в него чужеродные клетки другого организма. В дальнейшем мы не будем использовать данное значение, а обратим внимание как раз на перевод этого этимологически восходящего к латинскому языку слова «толерантность».

Очевидно, что семантическая тождественность (или нетождественность) двух языковых выражений во многом зависит от того мировоззрения, в рамках которого они рассматриваются. Особенно ярко данный феномен проявляется при семантическом анализе тех выражений, которые сами по себе носят мировоззренческий характер. Так, например, понятия «человек» и «мыслящий тростник», «человек» и «образ и подобие Божие» считаются тождественными между собой только лишь в границах определенного мировоззрения и, соответственно, используются в качестве таковых исключительно в философском или, например, богословском дискурсе эпохи. Автор полагает, что тождественность понятий «толерантность» и «терпимость» возможна в рамках только лишь так называемого «либерального» дискурса. В рамках же других дискурсов, объем и содержание данных имен могут радикально отличаться друг от друга. Вот почему, при переводе, например англоязычной социально-философской литературы на русский язык, в зависимости от изначального дискурса могут возникнуть неправильное понимание тех мыслей и идей, которые непосредственно взаимосвязаны с понятием «толерантность».

Конечно, подобного рода сложности существуют в практике любого перевода аналогичных понятий. Дело в том, что «Каждый язык, – как отмечает современный российский исследователь А. В. Рязанов, – являясь результатом длительного развития общественной практики, вырабатывает свое понятие подобного рода, которое может отличаться неповторимым своеобразием и смысловыми нюансами. Соответственно, каждое из них по своему обуславливает поведение человека в рамках той или иной культуры» [1, с. 21-22]. Специфическая же особенность применения имени «толерантность» в современных российских и белорусских условиях состоит в том, что в научный дискурс они вошли только лишь во второй половине 80-х годов прошлого столетия во времена начала так называемой «перестройки». На Западе же этот термин стал применяться намного раньше. Вот почему, по мнению А. В. Рязанова, «в ситуации современной России базовые понятия либерального дискурса накладываются на иную, чуждую для него реальность. В результате, как это часто бывает в таких случаях, разрушается имевшийся ранее порядок вещей и его дискурсивное оформление» [1, с. 21].

Отметим, что некоторые российские авторы выступают вообще против перевода на русский язык слова «толерантность», считая его излишним, то есть не несущим никакой новой семантической нагрузки по сравнению с традиционными русскими словами «терпение» и «терпимость» «Что более всего не по сердцу автору этих строк, – пишет В. Ирзабеков, – так это именно перевод самого понятия *толерантности* на русский язык. Только прислушайтесь: нас призывают относиться к окружающим терпимо, то есть *терпеть* людей. Но разве не в этом и состоит вера наша? И разве не к этому, только совершенно по-иному призывает нас Господь

пречистыми устами Своими: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф, 5, 43-45)» [2, с. 103].

Таким образом, можно говорить о соотношении тех понятий, которые носят ярко выраженный мировоззренческий и идеологический характер только лишь при условии точного выяснения того, в рамках каких именно дискурсов они рассматриваются. В дальнейшем мы будем рассматривать понятие «терпимость» только лишь в рамках традиционного дискурса нашего народа, а «толерантность» – в рамках западного либерального дискурса. Причем, первый дискурс, по нашему мнению, носит ярко выраженный христианский характер. Дело в том, что терпимость – это русское понятие, которое возникло именно из православного отношения к жизни. Человек должен терпеть несовершенство других, понимая, что и сам несовершенен. Как известно, православие на русские земли пришло из Византийской империи. Соответственно, для адекватного понимания многих слов, имеющих ярко выраженное христианское значение, необходимо знать их аналог (или перевод) в древнегреческом языке. Терпеть – означает «добровольно пребывать под обстоятельствами». Таким образом, терпение означает не что иное, как духовное смирение перед теми обстоятельствами, которые были посланы человеку Богом. Важно понимать, что наш народ считал смирение положительным духовным качеством, проявлением ума, но также и реальным средством практического преодоления указанных обстоятельств. Сказанное можно проиллюстрировать следующим рядом пословиц библейского происхождения: «Умный смиряется, глупый надувается. Долготерпение приносит благословение. Конь налогом берет, человек смирением» [3, с. 94-95].

Очевидно, что в рамках современно либерального дискурса понятие «толерантность» не имеет указанного значения. Во-первых, в его рамках считается, что внешние обстоятельства являются не проявлением некоей высшей воли, а полностью детерминированы суперпозицией природных явлений и человеческой жизнедеятельностью. Конечно, либерал может быть даже верующим человеком, но это практически не оказывает влияние на его взгляды в данном вопросе. А, во-вторых, само понятие «толерантность» употребляется только лишь по отношению к людям: к их природному внешнему виду, поведению и мыслям. Таким образом, нельзя быть толерантным к внешним обстоятельствам. Члены либерального общества, скрепленные «общественным договором», должны согласовывать свои интересы, чтобы не довести это самое общество до хаоса. Поэтому толерантность совершенно безразлична к понятиям «хорошо» или «плохо» в абсолютном смысле этих слов. Она ориентируется на временные понятия, которые обеспечивают лишь текущее спокойствие. Поэтому толерантность ориентирует человека на пассивное отношение в оценке действительности. Человек может и даже, в принципе, обязан быть безразличен к любым извращениям, к растлению других людей, т.е. ко всему, что его лично не касается. Но, соответственно, требовать и к себе толерантности со стороны других людей.

Особое место в христианском мировоззрении занимает вопрос о терпимости по отношению к людям. В рамках указанного нами понимания понятия «терпение» как «добровольного пребывания под обстоятельствами», те люди, которых мы встречаем в своей жизни, для нас представляют собой реальное проявление данных обстоятельств. Конечно, мы не можем любить такие чисто материальные обстоятельства нашей жизни, как наводнения, пожары, неурожай и болезни. Однако сказанное не относится к людям. Именно по отношению к ним справедливы следующие слова: «Начинается терпение с любви. Нам должно быть больно за человека, для того чтобы мы относились к нему с терпением». [4, с. 406].

Итак, терпение и терпимость в качестве своей обязательно необходимой предпосылки требует любви к другим людям. Естественно, что в рамках либерального дискурса данное слово вообще не употребляется в соотнесении со словом «толерантность». Для подтверждения справедливости сказанного автор предлагает обратиться к тому определению исходного понятия «толерантность», которое содержится в принятой в 1995 году Генеральной конференцией ЮНЕСКО Декларации принципов терпимости (Declaration of principles on tolerance). В этом документе утверждается, что толерантность – это и «уважение», и «моральный долг», и «политическая и правовая потребность» и даже обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка. О многом еще упоминается в данном определении (авторы которого придерживаются очевидных либерально-демократических взглядов), состоящем из 14 предложений. Однако слово «любовь» там не упоминается. И это далеко не случайно, ведь любовь, как известно, это такое чувство, которое невозможно навязать человеку извне, а поскольку указанные принципы толерантности для своего практического воплощения требуют различных форм внешнего воздействия на людей, то, естественно, наличие любви в них не отражается. Таким образом, можно прийти к выводу, что толерантность – это не терпимость, а всего лишь бездуховная подделка под нее.

Важно подчеркнуть, что с христианской точки зрения любовь к другим людям невозможна без любви к самому себе. Однако любовь к себе в христианстве не означает любви к своей самости.

Человек носит в себе образ и подобие Бога, и именно этот образ люди должны увидеть и возлюбить в себе, для того, чтобы любить других людей. Сказанное относится не только к отдельным людям, но и к таким целостным социальным организмам как народ. Каждый народ, даже самый маленький, предназначен для выполнения особой исторической миссии. И если он правильно поймет эту миссию и будет терпеливо ее выполнять, то тем самым сумеет сохранить отношение взаимосвязи между поколениями в настоящем моменте времени. Характерно, что слово «толерантность» оказывается в современном политическом языке связанным со словом «ксенофобия». Это противопоставление появляется всякий раз, когда заходит речь о патриотизме, хотя формально совершенно противоречит определению толерантности. Почему-то именно естественное чувство любви к Родине больше всего пугает гражданина «мира без границ». Нетрудно заметить, что и в этом случае совершается подмена, стремление заменить само понятие патриотизма, отражающего чувство любви, термином из области психиатрии (ксенофобия – патологическое состояние страха и ненависти).

В заключение необходимо остановиться на проблеме терпимости народа к своему собственному поведению. На наш взгляд, любой народ, желающий сохранить свою индивидуальную историческую неповторимость, обязан для этого правильно осознать онтологические границы своего бытия, а, соответственно и очертить достаточно точно рамки своего дозволенного поведения. В том же случае, если ему навязываются опасные для него формы поведения (а также стиль мышления и мировоззрение), он обязан относиться к ним не с терпением, а именно толерантно, то есть не хвалить, но и не осуждать другие народы за эти форма и одновременно проявить нетерпение ко всяким попыткам принести их стороны в сознание собственного народа. В рамках тех исторических условий, в которых в настоящее время находится наша страна – Республика Беларусь, необходимы целенаправленные усилия со стороны не только государственной власти, но и всего общества в целом, для того, что оградить наш народ от внешнего негативного чужеродного идеологического и мировоззренческого влияния. Естественно, что мы не должны обращать в этом случае внимания на все обвинения со стороны либерального мирового сообщества в «нарушении прав человека» и «нетолерантности нашего общества».

Список использованных источников

1. Рязанов, А. В. Толерантность: к практике использования понятия// Толерантность в России: вопросы истории и ответы современности, всероссийская науч.-практ. конф. (2008; Волгоград). – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2009. – С. 21 – 24.
2. Ирзабеков, В. Тайна русского слова. Заметки нерусского человека. – М.: Даниловский благовестник, 2012. – 200 с.
3. Сирот И. М. Русские пословицы библейского происхождения. – Брюссель: изд-во «Жизнь с Богом», 1985. – 112 с.
4. Алфавит духовный старца Паисия Святогорца. Избранные советы и наставления. – М.: Ковчег, 2009. – 448 с.

УДК 947.6 ("1914–1918")

КРЫНІЦЫ ПА ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЕ Ў ФОНДАХ ДЗЯРЖАЎНАГА АРХІВА МАГІЛЁўСКОЙ ВОБЛАСЦІ

Ас. Хаданёнак В.М.

Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

Першая сусветная вайна заўжды прыцягвала і прыцягвае да сябе пільную ўвагу даследчыкаў. Пры яе асвятленні гісторыкі актыўна карыстаюцца фондамі Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, абласных і занальных архіваў. Цэлы шэраг каштоўных дакументаў, якія тычацца падзей Першай сусветнай вайны, захоўваецца і ў Дзяржаўным архіве Магілёўскай вобласці.

У 234 фондзе (Мсціслаўскі павятовы ваенны камісарыят) можна знайсці копіі цыркуляраў Міністэрства харчу і Галоўнага ўпраўлення міліцыі аб размяшчэнні, ахове, аплаце працы і выкарыстанні ваеннапалонных для работ на прадпрыемствах і ў сельскай гаспадарцы; копіі і выпіскі з пастановы аб фармаванні чэхаславацкіх вайсковых часцей з ліку палонных чэхаў і славакаў і г. д. На аснове 234 фонда можна прасачыць колькасць ваеннапалонных у розных валасцях Мсціслаўскага павета, якія былі занятыя на сельскагаспадарчых работах. Прынамсі Любавіцкая воласць у ліпені – жніўні 1916 г. атрымала на дадзеныя патрэбы наступных асобаў: